

Рѣчка Гэ-чю, которую мы теперь оставляли, здѣсь уже имѣеть въ ширину до двадцати сажень при глубинѣ въ мѣстѣ брода въ два фута, и катится стремительнѣе, будучи въ это время свободной отъ льда, по крайней мѣрѣ по срединѣ русла. На сколько хваталъ глазъ, Гэ-чю направлялась къ сѣверо-западу, теряясь въ прорываемыхъ ею горахъ, среди которыхъ, по словамъ туземцевъ, эта рѣчка послѣдовательно склоняясь къ западу и юго-западу впадаетъ наконецъ въ рѣку Дзэ-чю, немного выше ея слиянія съ Меконгомъ. Общее протяженіе Гэ-чю, считая и извилины, доходитъ до полутора ста верстъ; по верхнему и среднему теченію ея ютятся кочевники, въ низовьи же обитаетъ осѣдлое населеніе.

Нашъ бивуакъ ежедневно посѣщался многими дэргэ'сцами; эти тибетцы то и дѣло прѣзжали и уѣзжали, внося своего рода оживленіе. Мѣстный чиновникъ также являлся нѣсколько разъ, выразивъ экспедиціи обычное вниманіе подношеніемъ шкуры лисицы и хадака. Съ главнымъ же чиновникомъ — съ Бдуйму-Гачи мы уже успѣли завязать прочное знакомство, ведя бесѣды и въ дорогѣ, и на бивуакѣ.

Этотъ младшій совѣтникъ дэргэ-чжалбо старался насъ увѣрить, что китайское вліяніе въ Тибетѣ съ каждымъ годомъ падаетъ, вліяніе же лхас'скаго правительства, напротивъ, все болѣе усиливается и что всякого рода бумаги и приказанія послѣдняго стали въ глазахъ тибетцевъ неизмѣримо выше распоряженій богдохана. Однако, когда были показаны Бдуйму-Гачи наши пекинскіе паспорта, то онъ ихъ сначала торжественно приложилъ къ своему лбу, а затѣмъ уже началъ бережно развертывать и читать.

Изъ дальнѣйшихъ откровенныхъ разговоровъ съ тон'кор'омъ, мы пришли къ общему заключенію, что простые обитатели округовъ восточнаго Тибета въ основѣ своей имѣютъ много добропорядочнаго, но бѣда въ томъ, что они страшно забиты произволомъ чиновниковъ и ламъ. Въ большинствѣ случаевъ ни семья, ни имущество простолюдина-тибетца не гарантированы: приказа вліятельнаго чиновника выдать для него одно, прислать другое, принять въ домъ, слывущій красавицей хозяйкой, предвѣстника почетнаго ночлежнаго гостя — его богато-отдѣланную саблю или иную вещь, — не долженъ никто послушаться, иначе жестокое наказаніе ожидаетъ всякаго изъ тибетцевъ, дерзнувшаго противиться желанію властнаго и надменнаго бей-ху. Послѣдній въ исключительныхъ случаяхъ не задумается даже пригласить къ себѣ такого несчастнаго собрата, ясно понявшаго совершившійся надъ нимъ приговоръ, и предложить ему, подъ видомъ